

Автор - Елена Скачко, Киев (Украина).

Где раньше стоял храм...

В этом городе все поезда проходящие.
Даже летом, когда приезжают чаще –
на пару дней и ночей подлечить нервы,
проведать бабу и деда, последних из могилан,
этим глухим местам по-дурацки верным.
Пойти на рыбалку – прекрасен в этих краях сазан, –
и ощутить, как тоску уносит река...
Поприветствовать единственного на улице старика,
поздороваться с согнутыми в три погибели бабушками,
спросить у незнакомого пацана,
ходят ли теперь на дальний пруд за раками с майками и рубашками...
И узнать, что раков эти новые, редкие здесь дети
вообще никогда не видели – только в банках стеклянных мидии.
И поехать к пруду на ржавом велосипеде –
обнаружить, что пруда давно уже нет,
есть гнилая усохшая лужица,

и лягушки здесь, как пришельцы с иных планет, —
экзотический вид.

Прислушаться

к гулким крикам невидимых юрких птиц —
не сороки, не иволги, не соловьи и не стайка синиц —
а какие-то странные кликуши. Царь...

Говорят, что несчастный царь — последний —
тоже бывал здесь. Спешил в местный храм к обедне,
пил чай под навесом на веранде у старого батюшки
и слушал его с интересом.

А потом гулял в роще (в прохладе),
где всегда было сонно и затишно...

Пахли душицей и мятой дожди досужие,
переливались через края канавы, ручьи и лужи,
раскинулся на весь лог старый кувшинковый пруд,
ивы стояли в воде по колено, сочные, как изумруд.

Люди жили-тужили-служили благословенно
и не думали брэнно, что когда-то умрут...

Но родятся другие.

Потом.

Положат здесь шпалы и рельсы,
вырастет здесь горком — из малых советов сельских.

И дети чинов и чинуш в столицы поедут первыми,
порой будут возвращаться — поспать, подлечить нервы,
проведать старуху и старика - последних из могикан,
наслушаться былей и боли, вестей, анекдотов, драм,
бурча про себя: «Достали...полгорода, блин, в запое...»

И снова на площади привокзальной, где раньше стоял храм,
ждать проходящий поезд...

Похмелье (Поствоенный синдром)

Однажды, разуверившись в вине,
не выудив свою из сотни истин,
ты бешено соскучишься по мне,
вернёшься, позвонишь...

Звонок, как выстрел,
взорвётся в загустевшей тишине
и эхом неотвеченным повиснет.

Ты удивишься.

У соседки ключ

возьмёшь,

прокрутишь точно и привычно,
замрёшь, как будто пойманный с поличным,
в стерильной пустоте холодный луч
скользнёт по серебру потёртых лычек...

Взовьётся растревоженная пыль,
и раскрипится старый пол от боли.
...Ты слишком долго шёл, растратил пыл
в походах и бессмысленных застольях.
Ты брёл по выгорающей стерне,
по крови, незамеченной на чёрном, —
безжалостно, размеренно, покорно —
ты истину искал в чужой войне,
а не в коварной терпкости кагора.
Но не нашёл...
Вернулся, протрезвел.
Провёл ладонью по пустой постели,
почувствовал, как пальцы онемели,
и стен холодный мел...
И ты не/смел,
как в тот рассвет, когда ты был расстрелян.
Но Бог тебя сберёг
в вине/войне.
Ты выжил. Пережил.
А я вот нет...

Реинкарнация

Я знаю, что ты мое солнечное сплетение,
две трети моего беспокойного сердца и половина мозга.
Я верю, что не всё ещё потеряно, что никогда не поздно
развести в камине огонь и согреться,
положив голову на твои колени...
Бог создал
нас вместе, в общей счастливой рубашке,
в окоёме,
в пределах одной вселенной,
чтобы не было лиха и страха — ничего кроме
добровольно-взаимного плена.
Чтобы осенью ходить в четыре ноги по рыжим упругим листьям,
в самые темные дни, Боже убереги, в два голоса тихо молиться,
скулы сжимая от боли.
Играть в четыре руки все великие мелодии мира,
переписав партитуры, перевернув клавиры,
переставив местами ноты, ключи, бемоли,
бекары, диезы...
Чтобы не бояться упасть, когда будем идти по лезвию,
а потом к подошвам друг друга прикладывать подорожник
и радоваться, что час этот прожит.
А потом, как в сказке, в один и тот же сакральный день,
может, вечером, может утром,

может, в полдень, когда очередная странная тень
набредёт на чей-то витой плетень,
и наступит безвременный сумрак --
не важно...

Главное, чтобы сочной была осока, а роса терпка,
чтобы где-то у горизонта парил сокол, пробивая дорогу сквозь облака,
уйти туда, куда уходят по сроку, а возвращаются через века...
И снова искать того, кому вручишь две трети своего беспокойного сердца,
о ком в окаянные дни будет нить солнечное сплетение,
кто будет с тобой топтать выцветшую сухую траву
вечерами осенними,
А по утрам варить кофе с солью и каенским перцем.
И надеяться, вглядываясь в чужие черты,
что это ты...

